

УДК 327

Политика России в Центральной Азии в 2010-2015 годах как модель баланса политических сил

Исаматова Айзат Тыныбековна

Аспирант,

Дипломатическая академия Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
119021, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, 53/2;
e-mail: aizatishamatova@gmail.com

Аннотация

Внешняя политика Российской Федерации в странах Центральной Азии является продолжением внутренней политики государства. Концепция внешней политики РФ исходит из того, что различия между внешними и внутренними факторами политической традиции стираются [Концепция внешней политики Российской Федерации, www]. Следовательно, роль того или иного региона во внешней политике России будет отображать потенциальные возможности взаимодействия между Россией, Казахстаном, Узбекистаном, Кыргызстаном, Туркменистаном и Таджикистаном. Растущее геостратегическое значение Центральной Азии все больше будет определять региональные стратегии великих держав в XXI веке. Как крупный актер, Россия стала рассматривать Центральную Азию в качестве зоны своих исключительных интересов, в частности, политика России направлена на усиление своего регионального и международного влияния путем контроля широкого рынка Центральной Азии и обеспечения региональной безопасности. Россия становится для Центрально-Азиатского региона безусловным приоритетом в рамках Организации Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества, на геополитическом уровне и в экономической сфере Евразийского экономического сообщества. В статье рассматриваются противоречия экономического сотрудничества ЕАЭС в ЦА.

Для цитирования в научных исследованиях

Исаматова А.Т. Политика России в Центральной Азии в 2010-2015 годах как модель баланса политических сил // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Том 5. № 5А. С. 119-130.

Ключевые слова

Внешняя политика, региональная политика, экономические интересы, интеграционные процессы, стратегическое партнерство, обеспечение безопасности, Россия, Центральная Азия, ЕАЭС.

Введение

Поскольку каждое государство существует не в изоляции, а в непосредственном окружении других государств, приоритетами каждого из которых являются собственные интересы, огромное значение для эффективного сотрудничества и с непосредственными соседями, и с более отдаленными странами играет внешняя политика государства, а также ее важнейшая составляющая – региональная политика. На сегодняшний день интересы России в Центральной Азии (далее – ЦА) по своему содержанию существенно шире, что обусловлено историческими, экономическими и социальными факторами, а также высоким уровнем взаимозависимости.

Интересы России и внешняя политика стран ЦА

Подсистема международных отношений, сложившаяся в ЦА к 2010 году, возникла под большим влиянием со стороны крупных государств, которые имеют свои интересы в данном регионе. Для политики России в регионе в начале 2000-х годов было характерно активное продвижение интересов собственных энергетических компаний [Muzalevsky, 2009]. Договоры Лукойла, Газпрома, Союзнефтегаза с Кыргызстаном и Туркменистаном по совместному использованию углеводородных ресурсов и их транспортировке заключены на 26 лет, что автоматически закрепляет Россию в качестве активного участника данной подсистемы [Богатуров, 2011]. Эта подсистема характеризуется наличием интеграционных институтов в наиболее важных сферах взаимодействия. Для России в ЦА такими инструментами являются система договоров об экономическом сотрудничестве в рамках двусторонних контактов, а также участие в таких организациях, как Организация Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) и Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС), где взаимодействие происходит на многосторонней основе. Важно понимать, что обе институциональные структуры находятся в процессе становления и определения принципиальных функциональных основ, что не позволяет странам-участникам интеграционных группировок в ЦА своевременно оказывать влияние на ситуацию в регионе.

Наиболее успешным является взаимодействие, связанное с обеспечением региональной стабильности. В частности, по итогам 2015 года в рамках ОДКБ был выработан механизм межгосударственного сотрудничества для совместного реагирования на деградацию ситуации в Афганистане. Как отмечает А.А. Казанцев, на территории ЦА (Туркменистан,

Кыргызстан, Таджикистан) могут находиться подпольные ячейки исламских фундаменталистов, которые разделяют идеи исламистов Ближнего Востока [Казанцев, www]. При этом внутренние проблемы каждого государства остаются внутренними проблемами этого государства, которые правительство решает самостоятельно, интеграционные структуры не могут заниматься решением этих противоречий из-за сохранения суверенитета государств в полном объеме. При этом роль ОДКБ определяется задачами поддержания безопасности, но не стабильности режимов. В результате массовых беспорядков в Кыргызстане в 2010 году центральные власти не обеспечили безопасность, в результате чего контроль над ситуацией поддерживался неформальными группировками и их лидерами [Фурман, Шерматова, 2010, 119-129]. Таким образом, дополнительным вызовом для присутствия России в регионе является роль региона в обеспечении стабильности на границах. Данная задача существенно усложняется из-за распространения в регионе радикального исламизма.

В 2014-2015 годах нелегальный миграционный поток из региона на Ближний Восток составил порядка 1500 человек, которые разделяют концепцию религиозно мотивированного терроризма [Казанцев, www]. Организация подобных перебросок невозможна без наличия определенной сети, главной задачей которой является пропаганда джихада. Именно поэтому перед ОДКБ, кроме традиционного направления сдерживания структур НАТО [Казанцев, 2012, 38-44] в регионе, возникает задача не только военного, но и культурно-просветительского противостояния радикальному исламизму. Данная задача является общей, а следовательно, объединяющей для всех стран – участников ОДКБ [Официальный сайт ОДКБ, www], однако каждое суверенное государство имеет право обеспечивать безопасность своих граждан при помощи многовекторной политики безопасности. При этом результаты деятельности России в сфере безопасности в ЦА оценивались как недостаточные, так как данное направление не отвечает задачам экономического развития региона [Строков, Столповский, Парамонов, 2009, 21-24]. Основными проблемами созданного для развития экономической интеграции Евразийского экономического союза [Кнобель, 2015, 87-108] являются его институциональная неразвитость, а также сохранение возможности игрокам самостоятельно определять размеры экспортных пошлин [Винокуров, Либман, 2012, 55]. При этом интеграционная политика рынков факторных производств как основа сотрудничества является причиной миграционных проблем, которые определяют основы взаимного восприятия внешнеполитических партнеров [Бородин, 2012, 21].

Для ЦА в целом в период с 2010 по 2015 годы характерны общие тенденции в сфере развития международных отношений в регионе, в частности всплеск активности в отношениях с Китаем. Центральная Азия – это тот регион, в котором сосредоточен потенциал влияния на политические структуры в рамках всего материка Евразия [Маркетос Трассиволос, 2012, 47-59]. Для Китая развитие отношений со странами ЦА является региональной проекцией глобальной парадигмы внешней политики государства [Серебрякова, www]. Объективное развитие экономических, культурных и социальных связей между Китаем и государствами ЦА

оказывает существенное воздействие на коррекцию проводимой Россией политики в регионе, так как в условиях тесного экономического сотрудничества с Китаем ЦА станет активно развивающимся регионом [Muzalevsky, 2009, 26]. Политика России направлена не на конкуренцию с Китаем за регион, а на многостороннее сотрудничество, которое объективно увеличивает значимость Китая в регионе. Учитывая институциональную слабость интеграционных группировок с участием РФ, в регионе продолжит увеличиваться политическое влияние других игроков. Для России регион ЦА является актуальным направлением, так как именно в данном регионе наблюдается повышенная активность радикальных исламистов.

Россия, Казахстан, Кыргызстан: противоречие ЕАЭС

Успешность региональной интеграционной группировки определяется принадлежностью к одной исторической общности, сопоставимостью экономического потенциала государств, а также наличием политической причины объединения [Буторина, 2007]. Хотя Россия воспринимается как естественный центр интеграции, экономические элиты стран ЦА активно развивают сотрудничество с Китаем, США и ЕС. Главное противоречие экономической интеграции в ЦА заключается в исторической обоснованности высокой роли России, но при этом задачи, стоящие перед правительствами стран – участников ОДКБ и ЕАЭС, во многом обоснованы только требованием безопасности. Борьба с незаконным распространением наркотических веществ с территории Афганистана, сдерживание радикальной исламской пропаганды – эти проблемы вызваны экономическим состоянием региона, но для решения их на данном этапе необходимо обеспечить безопасность государственных границ [Казанцев, Гусев, 2015, 80-92].

При этом доля в торговом балансе государств – участников ЕАЭС снижается поступательно с 2000 года. Если доля Казахстана в 2000 году составляла 30,7%, в 2009 году – менее 18%, то в 2015 году она сократилась сразу на 10,5%, в сравнении с 2014 годом. Важно понимать, что на долю Казахстана приходится 34% экспорта и импорта среди стран ЕАЭС, именно поэтому ежегодное сокращение этого показателя темпами в 10-15% свидетельствует о существенных проблемах в рамках единого экономического пространства и таможенного союза [Федеральная таможенная служба, www]. Развитие интеграции предполагает передачу части суверенитета всех государств-участников на наднациональный уровень путем создания институтов, общих для каждого из государств [Буторина, 2007]. Создание общих институтов предполагает, что правительства потеряют часть контрольных функций в той или иной отрасли. Однако даже технические регламенты по фитосанитарному контролю остаются несогласованными, на национальном уровне развитие интеграционного взаимодействия должно повышаться, но на современной стадии развития ЕАЭС как интеграционной группировки государства имеют право самостоятельно вводить экспортные пошлины, что наводит на мысль о географическом понимании принципов таможенного союза [Кнобель, 2015, 87-108].

Стоит отметить, что у Казахстана и Кыргызстана модели участия в ЕАЭС отличаются, так как Казахстан заинтересован в развитии транспортной инфраструктуры, а именно в строительстве нефтепроводов через территорию Казахстана в Россию. Для Казахстана сохранение контроля над национальной транспортной системой является важным источником доходов бюджета государства [Muzalevsky, 2009, 26]. Сопоставляя динамику изменения товарооборота в странах ЕАЭС и динамику уровня ВВП РФ, можно сделать вывод, что темпы прироста или сокращения российского ВВП сказываются на объеме товарообмена существенно.

Для Казахстана темпы роста торговли внутри ЕАЭС уступают темпам роста торговых отношений с Китаем, США, ЕС. Именно поэтому для Казахстана принципиальным является собственное экономическое развитие, которое вполне может означать негативные последствия для экономики той или иной страны. В частности, на территорию России Казахстан не имеет право поставлять электричество, что вызвано нетарифными ограничениями, сохраняющимися в рамках ЕАЭС [Кнобель, 2015, 87-108]. Успехи интеграционного процесса на постсоветском пространстве зависят от политики России, направленной на сохранение своего военного контроля над регионом; политического давления на институты демократии; сохранения роли России как страны-транзитера для государств ЦА; использования ресурсов региона для удовлетворения энергетических потребностей стран – импортеров нефти [Laguette, 28, 32]. Следовательно, российская политика в ЦА прежде всего ориентирована на достижение российских внешнеполитических целей. Е. Бородин подчеркивает различия в социально-политическом плане между Кыргызстаном и РФ как основу для сохранения нестабильности в государстве и регионе [Бородин, 2012, 18]. За 25 лет после распада СССР на постсоветском пространстве демократический транзит реанимировал архаичные формы организации системы национального управления. Регионализм, кумовство и коррупция сокращают привлекательность региона как делового центра, в результате экономические проблемы Кыргызстана приводят к социальной нестабильности в стране. Экономическое и военное сотрудничество с той или иной страной для Кыргызстана является возможностью перестроить собственное общество, включив все группы интересов и национальные меньшинства узбеков в политический процесс. Для Кыргызстана ситуация осложняется тем, что в рамках ЕАЭС это государство занимает скромные позиции в силу масштабов своей национальной экономики. 3,1% от общего объема импорта и экспорта РФ в 2015 году объясняется также достаточно поздним вступлением в интеграционный процесс, но в то же время незначительная доля Кыргызстана напрямую связана с увеличением долей ЕС, Китая и США в торговом балансе государств ЕАЭС [Кнобель, 2015, 87-108]. Сокращение торгового оборота отражается на других рынках, так как они не получают возможности и импульса для интеграции в силу того, что экономические стратегии каждого члена существенно отличаются.

Модель участия Казахстана в ЕАЭС имеет много общего с моделью России (высокая доля Казахстана в общем торговом обороте ЕАЭС – 34%), вовлеченность в торговлю является важным шагом на пути развития интеграционных группировок. Уровень товарообо-

рота между государствами внутри одной интеграционной группировки является важным показателем ее развития. Однако приоритетом экономической деятельности каждого из государств является реализация собственных целей, которые не всегда совпадают с коллективными представлениями о них [Строков, Столповский, Парамонов, 2009, 21-24].

Противоречия в развитии ЕАЭС в ЦА сохраняются в том числе и из-за искаженного представления о центре силы, бытовавшем в России в 1999-2005 годах [Włodkowska-Bagan, 2012, 11-32], экономические связи как основа интеграции по своей сути остаются двусторонними, так как внутри ЕАЭС не существует консенсуса относительно общих целей объединения. Экономические противоречия оказывают негативное влияние на межгосударственные отношения, ибо военное доминирование РФ воспринимается как эффективный инструмент поддержания целостности многосоставных обществ в ЦА [Ким, www].

Для государств ЦА отношения с Россией в силу несопоставимости военного потенциала играют решающую роль в поддержании стабильности в регионе. Единственная нейтральная страна региона – Туркменистан активно вовлечена в отношения с США, в том числе в вопросах контроля над границей с Афганистаном. Таджикистан, Узбекистан используют активные взаимодействия с США и Китаем в сфере обеспечения национальной безопасности государств в ЦА.

Участие Кыргызстана и Казахстана в ЕАЭС представляет собой противоречивый процесс, который осложняется присутствием интересов Китая и США внутри региона. Процессы интеграции, связанные с динамикой развития экономик РФ и Китая, позволяют сделать вывод о повышении активности того государства, прирост ВВП которого обусловлен расширением контроля над рынками, и экономического потенциала региона ЦА.

Для Кыргызстана ориентация на Россию как крупный рынок вызывает осторожный оптимизм относительно роста аграрного сектора экономики страны. При этом в промышленном плане Кыргызстан взаимодействует с Китаем, который разместил два нефтеперерабатывающих завода под Кара-Балтой и Токмаком. Сырьем данные предприятия должны снабжаться из России и Казахстана, что будет способствовать развитию рынка энергоносителей внутри ЕАЭС.

Одним из залогов успешной интеграции является отсутствие межэтнических проблем внутри каждого государства – участника интеграционной группировки. При этом Кыргызстан не смог преодолеть негативное наследие советской эпохи, сохранив крайне негативные отношения с Узбекистаном и Таджикистаном. Этнические конфликты в условиях слабости государства являются тревожным фактором для углубления процессов интеграции внутри ЕАЭС.

ЕАЭС – международный режим участия в ЦА

Противоречия интеграции в ЦА обуславливаются рядом причин, которые представляют собой два класса противоречий. К первому типу противоречий относятся исторические конфликты внутри региона ЦА, которые существенно затрудняют процессы интеграции. Этниче-

ский конфликт между узбеками, киргизами, таджиками вызван не только языковыми особенностями, но и накопленным после распада СССР опытом взаимодействия в регионе, который отличается реалистичностью подходов каждого государства, каждого игрока в регионе.

Историческая роль России в ЦА воспринимается всеми политическими силами двояко: с одной стороны, Россия является наиболее значимой военной державой, а ОДКБ – наиболее эффективным региональным субъектом системы региональных международных отношений. Однако влияние, распространенное благодаря военному потенциалу, не было использовано для развития экономических связей между регионами, в результате Россия не сохранила своего положения регионального гегемона, которое было характерно для начала 2000-х годов. Еще одним противоречием, которое затрудняет интеграцию стран ЦА в ЕАЭС, является подход к интеграции как к процессу, в котором групповые интересы не должны стоять выше национальных. В случае с ЕАЭС основным принципом взаимодействия государств в рамках ЕАЭС является недопущение делегирования властных полномочий с национального на наднациональный уровень. Во многом неготовность государств объединить собственные рынки на общих стандартах объясняется тем, что в условиях единых стандартов государства, в зависимости от экономического потенциала, займут соответствующее место. Сохранение права государств ЕАЭС вводить экспортные пошлины является важным политическим инструментом, который обуславливает взаимность при торговых отношениях, так как именно принцип взаимности и взаимной зависимости лежит в основе успешной экономической интеграции. Участие Китая в экономической жизни региона ЦА не противоречит принципам ЕАЭС, напротив, статус члена союза в рамках ЕАЭС позволяет государству сохранять весь объем суверенитета, но в то же самое время предоставляет государству право определения основных направлений своей деятельности. Страны ЦА являются суверенными государствами, следовательно, вопросы их экономического развития должны быть поддержаны ресурсами из других государств. Именно поэтому возникновение общего рынка факторных ресурсов между странами ЕАЭС существенно повышает мобильность трудовых ресурсов, которые распространяются неравномерно, так как экономика РФ обеспечивает рабочими местами 65% всего экономически активного населения региона ЦА.

С точки зрения эффективности институциональных образований интеграционная группировка ЕАЭС в ЦА является открытой, что позволяет членам этой группы развивать активное сотрудничество с государствами не из ЦА и ЕАЭС, не нарушая при этом международных режимов, действующих на территории ЦА. Более того, отсутствие наднационального института интеграции свидетельствует о готовности стран ЕАЭС развивать сотрудничество со многими государствами. Ко второму классу противоречий следует отнести несопоставимость целей и ожиданий Казахстана и Кыргызстана от участия в ЕАЭС. Если для Казахстана устойчивый экономический рост является залогом стабильности и устойчивости режима, то для Кыргызстана поднятие экономики – задача состояния государства. При этом на начальном этапе существования ЕАЭС объем торговли между странами-членами сокращает-

ся, что свидетельствует о негативных явлениях как внутри экономик ЕАЭС, так и на уровне глобальных экономических проблем. Важно отметить, что ЕАЭС отвечает задачам каждого государства-участника на современном этапе развития его национальной экономики, но не создает общего видения стратегических перспектив развития. С одной стороны, Россия, Казахстан, Беларусь сконцентрировали 90% всех торговых операций, что свидетельствует о поступательности процессов трансформации Таможенного союза в ЕАЭС, с другой стороны, Армения и Кыргызстан не могут конкурировать за рынки в масштабах ЕАЭС.

Библиография

1. Богатуров А.Д. Международные отношения в Центральной Азии: события и документы. М.: Аспект-Пресс, 2011. С. 25.
2. Бородин Е.А. Геополитические аспекты развития Кыргызстана и политика России: автореф. дис. ... док. полит. наук. М., 2012.
3. Буторина О.В. Интеграция СНГ. Применим ли опыт Европейского союза? // Свободная мысль. 1999. № 6. С. 43-54.
4. Винокуров Е., Либман А. Евразийская континентальная интеграция. СПб.: ЕАБР, 2012. С. 55.
5. Казанцев А.А. Политика США в постсоветской Азии: реалии и перспективы // Вестник МГИМО. 2012. № 4. С. 38-44.
6. Казанцев А.А. Центральная Азия: светская государственность перед вызовом радикального ислама. URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Tcentralnaya-aziya-svetskaya-gosudarstvennost-pered-vyzovom-radikalnogo-islama-17959#t9>
7. Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Продвижение «мягкой силы» России в Центральной Азии как инструмент развития евразийской экономической интеграции // Управленческое консультирование. 2015. № 11. С. 80-92.
8. Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. 2008. №. 2. С. 122-135.
9. Ким. Е. Таджикистан – Китай – одна семья: Китай и Средняя Азия // ИА-Regnum. URL: <http://regnum.ru/news/polit/2093624.html>
10. Кнобель А. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия // Вопросы экономики. 2015. №. 3. С. 87-108.
11. Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785>.
12. Маркетос Трассиволос Н. Стратегия Китая в отношении Центральной и Южной Азии: энергетические интересы и безопасность // Центральная Азия и Кавказ. 2012. № 15. С. 47-59.
13. Официальный сайт ОДКБ. URL: http://www.odkb-csto.org/general_secretary/detail.php?ELEMENT_ID=5529&SECTION_ID=110

14. Серебрякова Н.В. Центральнаяазиатская политика КНР как региональная проекция «теории гармоничного мира» // ИДВ РАН. URL: http://www.ifes-ras.ru/attaches/conferences/2009_round_table_shoss/serebryakova.pdf.
15. Строков А., Столповский О., Парамонов В. Внешняя политика России в Центральной Азии: взгляд из Узбекистана // Центральная Азия и Кавказ. 2009. №. 3 (63). С. 21-24.
16. Федеральная таможенная служба. URL: <http://www.customs.ru>
17. Фурман Д.Е., Шерматова С. Киргизские циклы // Современная Европа. 2010. №. 3. С. 119-129.
18. Laruelle M. Russia's Central Asia policy and the role of Russian nationalism. Silk Road Studies Program, 2008. P. 32.
19. Muzalevsky R. Russia's strategy in Central Asia: an analysis of key trends // Yale J. Int'l Aff. 2009. Vol. 4. P. 26.
20. Włodkowska-Bagan A. Russian foreign policy towards Central Asia. In: Stepniewski T. (ed.) The new great game in Central Asia. Lublin, 2012. P. 11–32.

Russia's policy in Central Asia in 2010-2015 as a model of the balance of political forces

Aizat T. Isamatova

Postgraduate,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation,
119021, 53/2 Ostozhenka st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: aizatisamatova@gmail.com

Abstract

Foreign policy of the Russian Federation in the countries of Central Asia is a continuation of domestic policy. Foreign policy concept of the Russian Federation proceeds from the fact that the differences between external and internal factors of the political traditions are erased [1]. Consequently, the role of a region in Russia's foreign policy will show the potential of cooperation between Russia, Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Tajikistan. The growing geostrategic importance of Central Asia will define regional strategies of the great powers in the twenty-first century. Russia as a major actor has considered Central Asia as a zone of its exclusive interests, particularly Russia's policy aimed at strengthening of its regional and international influence through the control of the broad market of Central Asia and regional security. Russia has become a clear priority for Central Asia in the framework of

the Collective Security Treaty Organization and the Shanghai Cooperation Organization on a geopolitical level and in the economic sphere of the Eurasian economic community. The article deals with the contradictions of the economic cooperation of European Economic Union in Central Asia. From the point of view of the effectiveness of institutional entities, integration grouping of the Eurasian Economic Union in Central Asia is open that allows the group members to develop an active cooperation with the States not from Central Asia and the Eurasian Economic Union, without violating the international regimes operating in the territory of Central Asia. Moreover, the absence of a supranational integration institute demonstrates the readiness of the EAEU countries to develop cooperation with many countries. The second class of tensions is the incompatibility of goals of Kazakhstan and Kyrgyzstan from participation in the EEU.

For citation

Isamatova A.T. (2016) *Politika Rossii v Tsentral'noi Azii v 2010-2015 godakh kak model' balansa politicheskikh sil* [Russia's policy in Central Asia in 2010-2015 as a model of the balance of political forces]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 5 (5A), pp. 119-130.

Keywords

Foreign policy, regional policy, economic interests, integration processes, strategic partnership, security, Russia, Central Asia, the Eurasian Economic Union.

References

1. Bogaturov A.D. (2011) *Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noi Azii: sobytiya i dokumenty* [International relations in Central Asia: events and documents]. Moscow: Aspekt-Press Publ.
2. Borodin E.A. (2012) *Geopoliticheskie aspekty razvitiya Kyrgyzstana i politika Rossii: Dokt. Diss. Abstract* [Geopolitical aspects of the development of Kyrgyzstan and Russia's policy. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
3. Butorina O.V. (1999) Integratsiya SNG. Primenim li opyt Evropeiskogo soyuza? [Integration of the CIS. Is the experience of the European Union applicable?]. *Svobodnaya mysl'* [Free thought], 6, pp. 43-54.
4. *Federal'naya tamozhennaya sluzhba* [The Federal Customs Service]. Available at: <http://www.customs.ru> Accessed 22.03.2016].
5. Furman D.E., Shermatova S. (2010) Kirgizskie tsikly [Kirghiz cycles]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 3, pp. 119-129.
6. Kazantsev A.A., Gusev L.Yu. (2015) Prodvizhenie "myagkoi sily" Rossii v Tsentral'noi Azii kak instrument razvitiya evraziiskoi ekonomicheskoi integratsii [Promotion of "Soft Power" as an instrument of development of Eurasian economic integration].

- of Russia in Central Asia as an Instrument of Development of the Eurasian Economic Integration]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management consulting], 11, pp. 80-92.
7. Kazantsev A.A., Merkushev V.N. (2008) Rossiya i postsovetskoe prostranstvo: perspektivy ispol'zovaniya "myagkoi sily" [Russia and Post-Soviet Space: perspective of using of soft power]. *Polis* [Polis], 2, pp. 122-135.
 8. Kazantsev A.A. (2012) Politika SShA v postsovetskoj Azii: realii i perspektivy [Politics of the USA in Post-Soviet Central Asia: character and prospects.]. *Vestnik MGIMO* [Herald of Moscow State Institute of International Relations], 4, pp. 38-44.
 9. Kazantsev A.A. *Tsentral'naya Aziya: svetskaya gosudarstvennost' pered vyzovom radikal'nogo islama* [Central Asia: Secular Statehood Challenged by Radical Islam]. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Tcentralnaya-aziya-svetskaya-gosudarstvennost-pered-vyzovom-radikalnogo-islama-17959#r9> [Accessed 13/09/16].
 10. Kim. E. Tadjikistan – Kitai – odna sem'ya: Kitai i Srednyaya Aziya [Tajikistan – China – one family: China and Central Asia]. *IA-Regnum*. Available at: <http://regnum.ru/news/polit/2093624.html> [Accessed 22.03.2016].
 11. Knobel' A. (2015) Evraziiskii ekonomicheskii soyuz: perspektivy razvitiya i vozmozhnye prepyatstviya [Eurasian Economic Union: prospects for development and possible obstacles]. *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 3, pp. 87-108.
 12. *Kontseptsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [The Foreign Policy Concept of the Russian Federation]. Available at: <http://kremlin.ru/acts/news/785> [Accessed 22.03.2016].
 13. Laruelle M. (2008) *Russia's Central Asia policy and the role of Russian nationalism*. Silk Road Studies Program, p. 32.
 14. Marketos Trassivolos N. (2012) Strategiya Kitaya v otnoshenii Tsentral'noi i Yuzhnoi Azii: energeticheskie interesy i bezopasnost' [China's strategy toward Central and South Asia: energy interests and security]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus], 15, pp. 47-59.
 15. Muzalevsky R. (2009) *Russia's strategy in Central Asia: an analysis of key trends*. Yale J. Int'l Aff, Vol. 4, p. 26.
 16. *Ofitsial'nyi sait ODKB* [The official website of the Organization of the collective security Treaty]. Available at: http://www.odkb-csto.org/general_secretary/detail.php?ELEMENT_ID=5529&SECTION_ID=110 [Accessed 22.03.2016].
 17. Serebryakova N.V. *Tsentral'noaziatskaya politika KNR kak regional'naya proektsiya "teorii garmonichnogo mira"* [Central Asian policy of China as a regional projection "of the theory of harmonious world"]. Moscow: Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences. Available at: http://www.ifes-ras.ru/attaches/conferences/2009_round_table_shoss/serebryakova.Pdf [Accessed 22.03.2016].
 18. Stokov A., Stolpovskii O., Paramonov V. (2009) Vneshnyaya politika Rossii v Tsentral'noi Azii: vzglyad iz Uzbekistana [Russia's foreign policy in Central Asia: a view from Uzbekistan]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus], 3 (63), pp. 21-24.

19. Vinokurov E., Libman A. (2012) *Evraziiskaya kontinental'naya integratsiya* [Eurasian continental integration]. Saint Petersburg: Eurasian Development Bank.
20. Włodkowska-Bagan A. (2012) Russian foreign policy towards Central Asia. In: Stepniewski T. (ed.) *The new great game in Central Asia*. Lublin, pp. 11-32.